

— Дуань Иншан, да что он вообще из себя представляет...

Впрочем, эти слова услышал лишь тот, кто их произнес. Остальные в комнате не заметили ровным счетом ничего.

У изголовья кровати двое словно отгородились от мира, хотя атмосфера между ними была довольно странной. Цзи Нин сосредоточился на осмотре: он тщательно проверял каждый уголок, даже снял плафон с настольной лампы, чтобы внимательно разглядеть стеклянную колбу. В этот момент сверху внезапно нависла высокая фигура, прижав его к узкому углу у кровати.

— Ты... ты что делаешь? — заикаясь, спросил Цзи Нин. Он только что бросил на этого человека гневный взгляд, неужели тот настолько мелочен, что решил отомстить?

Сян Янь подался вперед, намеренно понизил голос и прошептал ему на ухо пугающим, ледяным тоном:

— Знаешь, почему я сказал, что ты тратишь силы впустую?

Цзи Нин втянул голову в плечи, чувствуя, как по затылку пробежал холодок. Он честно покачал головой.

Огромная ладонь Сян Яня накрыла его лицо, намертво зажав всё, что ниже кончика носа. Половина лица оказалась в полном подчинении, пошевелиться не было никакой возможности.

Внутри Цзи Нина завывала сирена тревоги. Опасная аура, исходящая от Сян Яня, заставила его лицо побледнеть, как падающий за окном снег — ни кровинки.

Неужели он угадал? Сян Янь и есть убийца?

В полумраке выражение лица Сян Яня казалось демоническим. Его вторая рука обхватила Цзи Нина сзади за тонкую шею, и пульсирующая на боку жилка, казалось, замедлила свой ритм. Цзи Нин от страха окаменел, не смея издать ни звука, боясь разгневать этого мрачного человека.

Сян Янь, прикрывая ему рот, тихо произнес:

— Это... я убил его.

Цзи Нина затрясло. Что делать? Убийца сам во всем признался! Неужели теперь он убьет его, чтобы замести следы?

У-у-у... Прощай, брат Система, надеюсь, ты найдешь себе хозяина получше. У-у-у, как же страшно. Будет ли больно?

Он едва мог дышать, не то что издать хоть какой-то звук. Цзи Нин в отчаянии начал брыкаться, пытаясь оттолкнуть убийцу, но забыл, что на нем были мягкие домашние тапочки, едва державшиеся на ногах и открывавшие розовые пальцы. Стоило ему дернуться, как сильная рука придавила его, и он мог лишь беспомощно сжаться.

В расширенных глазах Цзи Нина читались бессилие и ужас. На глазах навернулись слезы, превращая их в пару оленьих глаз, а длинные густые ресницы намокли. Две жемчужные слезинки скатились по щекам, упали на крепкую руку Сян Яня и, обжигая, просочились ему прямо в сердце.

Он... он до смерти напугал его.

Как же... как же это мило.

Кадык Сян Яня невольно дернулся, но он подавил этот порыв разумом. Ему стало жаль парня — он ведь просто хотел подразнить этого маленького вредного кота, а в итоге довел его до слез.

Сян Янь стиснул зубы так, что на висках вздулись вены, а уголки губ застыли в неестественной улыбке. Он попытался смягчить голос, но вышло как-то странно.

Он начал успокаивать того, кто был у него в руках:

— Ниннин, не бойся. Я пошутил.

Однако после таких слов его холодное лицо не внушало доверия. Почувствовав, как рука, закрывавшая ему рот, медленно ослабевает, и в нос снова проникает теплый воздух комнаты, Цзи Нин почувствовал, как бешено колотящееся сердце сжалось еще сильнее. Дамоклов меч, висящий над головой, мог обрушиться в любой момент.

Но Цзи Нин был настолько напуган, что даже короткая передышка казалась спасением. Он со слезами на глазах кивнул, решив покорностью выторговать себе немного покоя. Большая ладонь, всё еще сжимавшая его лицо, с пугающей нежностью смахнула слезы с его глаз.

Как же он жалок.

— Не бойся, я просто дразнил тебя.

Сян Янь ворковал с невероятной нежностью, словно шептал слова любви. Это было похоже на то, как терпеливый и простодушный человек после ссоры готов бесконечно уступать своему

капризному, плаксивому возлюбленному, отступая в угол и извиняясь, лишь бы тот успокоился.

А это только разбаловывало капризного партнера, заставляя его в следующий раз требовать еще больше уступок.

Цзи Нин был в полном замешательстве. Он совершенно не понимал, где правда, а где ложь. Если это была актерская игра, то выражение лица Сян Яня только что было точь-в-точь как у жестокого убийцы, совершающего кровавую расправу в снежную ночь. А если всё было всерьез, то способность этого человека мгновенно менять маски просто ужасала. Даже если он не убийца, такой вечно издевающийся человек вызывал лишь отвращение. И опасность.

Цзи Нин не смел смотреть в эти обманчиво влюбленные глаза. У него онемела спина, он хотел лишь одного — вырваться из этой удушающей обстановки.

Он покорно кивнул, признавая безобидность этого человека, но в глубине души уже строил планы: нужно найти других и собрать улики против него.

Разве Сян Янь мог этого не заметить? Ищет кого-то? Пэй Жуна? Ха. Маленький котенок такой наивный. Он даже решил, что Пэй Жун — тот, кому можно доверять.

Сян Янь даже почувствовал предвкушение, словно зритель в театре. Ему не терпелось увидеть, как этот добрый и невежественный котенок угодит в ловушку хитрого охотника и останется в полной изоляции. А потом приползет к нему, умоляя о пощаде.

Его влажные глаза, возможно, прольют еще больше слез, и он, такой жалкий, будет жаловаться ему на жестокого лжеца. А потом, цепляясь за него, как за спасительную лиану, под его руководством шагнет в другой мир... закрытый от всех рай.

Хороший охотник всегда умеет ждать.

— Нашла! — раздался громкий голос Гао Цин. В руках она держала маленький пузырек с отвинченной крышкой.

Этикетка на белом пластиковом флаконе была ободрана — видимо, владелец не хотел, чтобы кто-то узнал о назначении препарата. Когда Гао Цин потрясла бутылек, внутри что-то сухо зашуршало.

В другой руке Гао Цин держала сумочку — именно в ней и был найден пузырек. Классическая розовая сумка, совсем новая. Трудно представить, чтобы Ли Ваньцин купила себе такую девчачью вещь. Скорее всего, это был подарок, причем не самый дорогой и не самый изысканный — среди присутствующих такие подарки не считались чем-то стоящим. А уж такая ширпотребная модель и вовсе не говорила о внимании дарителя.

Сян Янь полуобнимал Цзи Нина, скорее даже держал его в тисках. Сила его рук и мышц почти приподняла сидящего человека над стулом, и мягкое прикосновение чувствовалось очень отчетливо.

Оба увидели флакон, и Цзи Нин вопросительно посмотрел на мужчину рядом.

— Я же сказал, я пошутил.

Сян Янь со злорадством наблюдал, как на бледном лице парня проступает легкая ярость, сменяющаяся гневным румянцем — словно утренняя заря, вспыхнувшая над пустыней, невероятно красивой.

— Кто просил тебя глазеть на меня?

Прекрасный повод. Натворил дел, но ни капли раскаяния — лишь самоуверенное перекладывание всей вины на жертву. Цзи Нин был в ярости, но молчал, мысленно жалуясь брату Системе. Он боялся, что если покажет свое недовольство, этот человек снова начнет его пугать.

— Ли Ваньцин, это снотворное. Я только что открыла и понюхала — концентрация очень высокая, — Гао Цин торжествующе подняла трофей, бросая вызов той, что сидела в углу. — К тому же, ты намеренно содрала этикетку, но там наверняка было написано «снотворное и успокоительное»!

Хотя этикетку содрали, на пластике остались следы клея и вмятины от шариковой ручки — на свету их было отчетливо видно.

— Ли Ваньцин, объясняйся! — Гао Цин потрясла вещественным доказательством, словно уже вынесла приговор.

Ли Ваньцин нервно терла ткань своей одежды. Она выглядела растерянной, но пыталась сохранять спокойствие.

— У... у меня возникли трудности с учебой, в последнее время я плохо спала, вот и попросила врача выписать лекарства...

— Врешь! — не дослушав, отрезала Гао Цин. Ее глаза расширились от возбуждения, голос звучал твердо. Она словно поймала ее на лжи и жаждала разоблачить. — Не думай, что я не знаю! Ты уже давно поступила в аспирантуру к своему научному руководителю, твои последние проекты идут успешно, ты даже опубликовалась в профильном журнале, как у тебя могут быть проблемы?! К тому же... — она вытряхнула на ладонь белую таблетку, ничем не отличающуюся от обычного лекарства от простуды, — я сама долгое время принимала успокоительные. То, что у тебя в руках — концентрация запредельная. Обычный врач никогда

не выпишет пациенту такой препарат!

На присутствующих напал страх. Лю Мань невольно отстранилась от туалетного столика, ее тело мелко дрожало, будто она чего-то боялась.

— Я... я... — Ли Ваньцин закусила губу, ее голос прерывался. Она хотела оправдаться, но не знала с чего начать — было очевидно, что она виновна.

Гао Цин перешла в наступление:

— Если мне не изменяет память, твой текущий проект связан с седативными препаратами и стимуляторами для животных, верно? Это лекарство ты синтезировала сама! Хватит врать! С такой концентрацией... ты подмешала его в вино, чтобы отравить Дуань Иншана?! — взгляд Гао Цин внезапно изменился, в нем промелькнул страх человека, чудом избежавшего гибели. Она прошептала, словно сомневаясь: — Или ты хотела отравить нас всех, чтобы никто не узнал, что произошло в те годы...

— Довольно! — резко прервал ее Сян Янь.

В те годы? Опять эти годы? Что же там произошло? Почему все так боятся говорить об этом, что даже пара слов вызывает такую бурю?

Словно какое-то слово подействовало на Ли Ваньцин как сигнал, но после окрика Сян Яня она вдруг стала гораздо спокойнее, словно была уверена в своей правоте.

— Это была не я.

Гао Цин бросила таблетку и, скрестив руки на груди, холодно произнесла:

— Раз ты говоришь, что не ты, значит, не ты? А доказательства? Снотворное нашли в твоей комнате, как ты еще собираешься оправдаться?

Ли Ваньцин была абсолютно спокойна. Она подняла глаза, в упор глядя на свою обвинительницу, и ответила вопросом:

— Ты ведь сама сказала, что концентрация очень высокая? И что это может убить человека?

Гао Цин не поняла, к чему она клонит, и нахмурилась:

— Ты... ты спрашиваешь об этом, чтобы признаться?

Ли Ваньцин холодно усмехнулась. Ее привычная мягкость исчезла без следа. Она обвела взглядом всех присутствующих, задержавшись на одной фигуре.

Она произнесла фразу, вызвавшую настоящий шторм.

Так называемая улика — снотворное — в одно мгновение превратилось в бесполезный предмет, не имеющий к делу никакого отношения.

<http://bllate.org/book/19768/1947140>